Д13 3/229

№ 603. П. 57. 462462
Д13 3/229

Объ историческомъ значенiи нынѣшняго Велеграда. *)

(По поводу предстоящаго паломничества славянъ-латинниковъ въ Велеградъ).

Преосвященнѣйшiе Архипастыри, милостивые государи и государыни!

Давно въ славянскомъ мiрѣ идутъ приготовленiя ко дню чествованiя тысячелѣтiя со времени блаженной кончины св. Меѳодiя. Эти приготовленiя, по почину С.-Петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества, дѣлаются и у насъ въ Россiи: въ «Извѣстiяхъ» нашего Общества напечатана уже программа чествованiя 6 апрѣля, хотя ею далеко еще не исчерпываются всѣ проэктируемыя приготовленiя. Безъ сомнѣнiя, эта программа въ своей основѣ будетъ принята и другими православными славянами, которые, какъ и мы, намѣрены отпраздновать праздникъ 6 апрѣля у себя дома, не принимая участiя въ устраиваемомъ латинниками паломничествѣ въ Велеградъ. А между тѣмъ, къ этому паломничеству въ Велеградъ съ какимъ-то непонятнымъ лихорадочнымъ напряженiемъ, по указанiю Рима, готовятся наши братья-латинники: пишутъ воззванiя и посылаютъ приглашенiя не только своимъ единовѣрцамъ, но и православнымъ, устраиваютъ въ Велеградѣ для паломниковъ бараки, и въ такомъ количествѣ, что газеты еще давно ихъ цифру опредѣляли въ 300,000. Теперь, можетъ быть, эта цифра возрасла и цѣлый нынѣшнiй Велеградъ, состоящiй только изъ строенiй бывшаго цисцерцiанскаго монастыря, съ небольшимъ прилегающимъ къ нему селенiемъ позднѣйшихъ переселенцевъ, обратился пожалуй въ большой, застроенный городъ. Вообще, цифра бараковъ очень внушительна и свидѣтельствуетъ съ одной стороны о распорядительности комитета по устройству кирилло-меѳодiевскаго торжества 6 апрѣля на Велеградѣ, а съ другой—о значительныхъ видахъ на паломниковъ, сочувствующихъ устраиваемому торжеству. Предполагается, слѣдовательно, собранiе въ Велеградѣ многолюдное, съ участiемъ духовной и свѣтской аристократiи латинско-славянской; предполагается тамъ и торжество, повидимому, неописанное. Какiя будутъ подробности торжества,—намъ въ точности неизвѣстно, и вообще онѣ тщательно скрываются. Но болѣе или менѣе достовѣрные слухи объ этомъ изъ сферъ компетентныхъ всетаки проникаютъ въ печать и даютъ нѣкоторыя основанiя судить объ общемъ характерѣ велеградскаго, будто-бы кирилло-меѳодiевскаго (?), торжества. Разумѣется, демонстративныя выходки латинниковъ противъ православныхъ займутъ тамъ не послѣднее мѣсто: объ этомъ уже извѣщаютъ даже иностранныя газеты, и указываютъ, напримѣръ, на факты благодарственныхъ адресовъ славянъ-латинниковъ папѣ за открытiе юбилейнаго торжества на 6 апрѣля съ молитвенными воззванiями о соединенiи съ Римомъ славянъ-православныхъ, на проэкты хорватско-латинскаго епископа Штроссмайера и другихъ его единомышленниковъ ознаменовать день тысячелѣтней кончины св. Меѳодiя образованiемъ новой латинской епископiи въ Буковинѣ, съ подчиненiемъ ея варшавскому польско-латинскому архiепископу (вѣроятно съ цѣлiю распустить новыя сѣти пропаганды между православными Буковины), и на многое другое *). А до насъ доходятъ частные слухи о томъ, что пропаганда латинниковъ среди австрiйскихъ славянъ православныхъ съ

---

*) Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собранiи Славянскаго Благотворительнаго Общества 14 февраля 1885 года.

*) См. подробнѣе въ „Извѣстiяхъ" № 1 (м. январь), стр. 4—7.

приглашеніемъ въ Велеградъ идетъ неустанно: зовутъ православныхъ въ Велеградъ, чтобы имъ же самимъ участвовать въ готовящихся противъ нихъ демонстраціяхъ надъ неизвѣстною могилою св. Меѳодія. Странны эти приглашенія! Они имѣли бы для насъ нѣкоторое значеніе, если бы звали въ Велеградъ другой—*старый* *), гдѣ дѣйствительно находилась, но теперь неизвѣстно заросла могила св. Меѳодія, и гдѣ ранѣе этотъ святой вмѣстѣ съ братомъ своимъ св. Кирилломъ жилъ и подвизался на пользу просвѣщенія славянъ **). Но дѣло въ томъ, что разсылаются приглашенія въ Велеградъ *новый*, правда отстоящій отъ *стараго* на одинъ только часъ пути, но не представляющій—вообще для славянъ и въ особенности для православныхъ—какихъ-либо достопамятныхъ святынь; напротивъ, его исторія вызываетъ въ насъ столько грустныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ поучительныхъ воспоминаній, что если бы мы и не знали новѣйшихъ примѣровъ готовящихся противъ насъ тамъ демонстрацій, то мы могли-бы ихъ предполагать на основаніи прошлаго, всегда—исторически существовавшаго тамъ латинскаго духа и направленія. Чтобы пояснить эту мысль, я позволю себѣ войти въ нѣкоторыя историческія подробности, не лишенныя и современнаго интереса, особенно въ виду готовящагося латино-славянскаго паломничества въ Велеградъ *новый*.

Нашествіе мадьяръ на средне-дунайскую равнину было зловѣщимъ признакомъ паденія нѣкогда сильнаго, но раздираемаго внутренними неурядицами и внѣшними интригами сосѣдей-враговъ, велико-моравскаго государства: въ началѣ X вѣка окончательно пала Великая Моравія и разрушена до основанія ея столица—Велеградъ; а вмѣстѣ съ этимъ уничтожена была велеградская святыня, напоминавшая славную апостольскую дѣятельность св. нашихъ просвѣтителей Кирилла и Меѳодія, — уничтоженъ былъ храмъ, гдѣ учили св. братья и гдѣ одинъ изъ нихъ, св. Меѳодій, былъ даже похороненъ *). Тѣмъ не менѣе воспоминанія о Велеградѣ и его кирилло-меѳодіевской святынѣ несомнѣнно жили въ памяти народа и хранились какъ дорогое наслѣдіе во все послѣдующее время борьбы западныхъ славянъ съ ихъ латино-нѣмецкими противниками. Въ чешской риѳмованной хроникѣ Далимила, слѣдовательно въ концѣ XIII и въ началѣ XIV вв., старый Велеградъ еще вспоминается какъ мѣсто служенія и проповѣди св. Меѳодія въ духѣ ученія и по обрядамъ церкви православной восточной:

Prosi Křista Bořivoj ot Svatopluka,
krale moravského,
a ot Metuděje, arcibiscupa velehradského.
Ten arcibiscup *Rusin* bieše,
mšiu svu slovensky služieše
Ten Velehradě křstil Cecha prvého,
Bořivoje kněze českého **).

Меѳодій называется *Русиномъ* конеч-

*) По мнѣнію ученыхъ (Шафарика, Палацкаго, Вольнаго, Г. Иречка, Брандля, Горскаго, Лавровскаго, Будиловича и др.), старый Велеградъ находился, вѣроятно, близъ нынѣшняго города (при станціи желѣзной дороги, идущей отъ Кракова въ Вѣну) „Угорское Городище“ (Ungarisch Hradisch), въ мѣстности, извѣстной теперь подъ именемъ „Старое Мѣсто“, въ четверти часа разстоянія отъ Угорскаго городища, и одного часа отъ новаго Велеграда. Есть ученые, которые иначе опредѣляютъ положеніе стараго Велеграда, отождествляя его съ паннонскимъ Мосбургомъ (такъ прежде думалъ Дуликъ и др. Ср. новѣйшія, печатающіяся съ конца прошлаго года въ галицко-русскомъ «Словѣ» изысканія А. С. Петрушевича».

**) Въ пользу славянскаго паломничества 6-го апрѣля на старый Велеградъ высказался у насъ проф. А. С. Будиловичъ, и его проэктъ, недостаточно еще у насъ оцѣненный, встрѣтилъ—по частнымъ сообщеніямъ изъ славянскихъ компетентныхъ сферъ—большое сочувствіе у славянъ-латинниковъ австрійскихъ, преимущественно тѣхъ изъ нихъ, которые цѣнятъ кирилло-меѳодіевскую старину, сохранившуюся только у славянъ православныхъ, и которые потому благоразумно удерживаются отъ готовящихся демонстрацій въ новомъ Велеградѣ противъ православныхъ (самый проэктъ перепечатанъ въ „Извѣстіяхъ“ за 1884 г., № 12).

*) Въ Паннонскомъ житіи св. Меѳодія говорится, что онъ умеръ въ Велеградѣ и погребенъ въ соборной церкви (гл. 17); а въ сербскомъ житіи св. солунскихъ братьевъ еще точнѣе опредѣляется мѣсто погребенія св. Меѳодія, именно: св. Меѳодій былъ положенъ въ великой моравской церкви, по лѣвую сторону, въ стѣнѣ за алтаремъ Св. Богородицы.

**) Rýmovana kronika česka dle výdani Jos. Jirečka, 1877 г., стр. 40. Въ русскомъ переводѣ: „Просилъ Боривой крещенія отъ Святополка, короля моравскаго, и отъ Меѳодія архіепископа велеградскаго. Этотъ архіепископъ былъ *Русинъ*, служилъ свою литургію по славянски, на Велеградѣ крестилъ чеха перваго, Боривои князя чешскаго“.

но не въ смыслѣ происхожденія, принадлежности къ племени славяно-русскому, а въ смыслѣ исповѣданія имъ — какъ и вообще въ Велеградѣ и во всей тогдашней Моравіи — той вѣры, которую хранили и исповѣдывали русскіе славяне. Такимъ образомъ, народное преданіе еще въ XIV в. помнило *старый* Велеградъ и связывало съ нимъ воспоминанія о старой кирилло-меѳодіевской вѣрѣ, принесенной сюда съ Востока и нерушимо сохранившейся на Востокѣ.

Но сила враждебная еще гораздо ранѣе стала брать верхъ и мало-по-малу затемняла въ народной памяти православныя кирилло-меѳодіевскія преданія о Велеградѣ, то истребляя ихъ какъ ересь, то замѣняя ихъ новыми, собственными латино-нѣмецкими вѣроисповѣдными и обрядовыми особенностями. Подтасовка коснулась, прежде всего, самаго даже имени «Велеградъ»: вмѣсто *стараго* Велеграда, въ часовомъ отъ него разстояніи, въ концѣ XII в. явился Велеградъ *новый* и узурпировалъ себѣ имя перваго. Въ 1198 г. два брата, наслѣдники чешскаго престола, враждовавшіе изъ-за короны, заключили между собою договоръ, по которому одинъ изъ нихъ, старшій, Пшемыслъ Оттокаръ вступилъ на престолъ чешскій, а младшій, Владиславъ Генрихъ, добровольно отказавшись отъ чешскаго престола, взялъ себѣ маркграфство Моравію на правахъ лена чешской короны. Этотъ-то Владиславъ Генрихъ въ 1198 г. первый и положилъ въ Моравіи, въ узкой котловинѣ между невысокими горами, въ часовомъ разстояніи отъ Угорскаго Городища на западъ, основаніе *новому* Велеграду, устройствомъ монастыря, который вскорѣ затѣмъ, при усиліяхъ латинской пропаганды, превратился въ мнимый *древній* Велеградъ. Надѣливъ новоосновавный монастырь имѣніями, нѣсколько разъ подтвержденными затѣмъ чешскими королями, маркграфъ Владиславъ, для обитанія въ немъ, призвалъ латинскихъ монаховъ-цисцерціанцевъ и поручилъ просвѣтительной ихъ дѣятельности окрестности *новаго* Велеграда и другія части земли чешско-моравской, а римскій папа съ радостію принялъ ихъ подъ свое особое покровительство *).

*) Велеградскіе цисцерціанцы пользовались особымъ покровительствомъ папъ, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ одинъ монахъ велегрдскій, Энгель Германъ († 1744), въ своемъ рукописномъ сочиненіи: „Archivum Welehradense“ (хранящемся теперь въ Брьненскомъ Земскомъ архивѣ). Уже въ 1208 г. папа Иннокентій III началъ оказывать велеградскимъ цисцерціанцамъ особое покровительство, которое затѣмъ постоянно проявляли къ нимъ и другіе послѣдующіе папы: *Monasterium Welehradense* fuit assumptum *in specialem protectionem* s. sedis... *in tota Moravia* alia nulla recensentur monasteria hac gaudere praerogativa, praeterquam... (Рукоп. Archivum Welehradense, p. 29. Ср. Sbornik Velehradsky, 1883, III, стр. 20).

Замѣтьте, мм. гг., въ *новый* Велеградъ призваны были цисцерціанцы-правда на этотъ разъ съ своимъ аббатомъ Тицелиномъ пришедшіе изъ Чехіи (гдѣ они появились съ 1146 г.), но имѣвшіе первоначальною своею родиною Францію — изъ цисцерціанскихъ монастырей линіи такъ-называемой моримондской, съ спеціально-латинскою окраскою *). Какая странная иронія! Древній кирилло-меѳодіевскій Велеградъ возстановляется совсѣмъ въ иномъ мѣстѣ и передается врагамъ православія, слѣдовательно врагамъ дѣла и ученія св. нашихъ первоучителей, первымъ самымъ послѣдовательнымъ латинизаторамъ православныхъ славянскихъ церквей — цисцерціанцамъ, которые какъ-будто и были введены въ Моравію не для того, чтобы поддержать кирилло-меѳодіевскія православныя преданія, а чтобы убить ихъ совсѣмъ и на ихъ развалинахъ (если позволительно такъ выразиться) укрѣпить и распространить въ массѣ народной ученіе и обряды церкви латинской. И вотъ, дѣйствительно, завладѣвши *новымъ* Велеградомъ, цисцерціанцы скоро затѣмъ отбросили эпитетъ «новый» и поспѣшили укрѣпить за нимъ названіе вообще Велеграда, съ которымъ народъ соединялъ дорогія ему кирилло-меѳодіевскія преданія. Таковъ пріемъ латинской пропаганды: тамъ, гдѣ невозможно совсѣмъ уничтожить въ памяти народной православныя кирилло-меѳодіевскія преданія, латинники прибѣгаютъ къ поддѣлкамъ, замѣнѣ православныхъ святынь аналогичными латинскими,—и такими под-

*) Поэтому въ гербѣ велеградскихъ цисцерціанцевъ былъ между прочимъ знакъ „MORS“, принадлежавшій Моримонду. Рукоп. Брьненскаго Земскаго архива „Nova et Vetera Loci Welehrad monimenta“, стр. 121. Ср. Památky archeol V, стр. 300. Ср. также Sbornik Velehradsky, 1881 г. II, стр. 41.

дѣлками изобилуетъ въ особенности исторія западно-славянскихъ церквей...

Въ настоящемъ случаѣ, по отношенію къ Велеграду, дѣло подтасовокъ не остановилось на одномъ только имени «Велеградъ»: пришлые цисперціанцы продолжали свое дѣло далѣе и, постепенно втягивая въ свое братство мѣстный и со стороны приходящій славянскій элементъ, дѣйствовали затѣмъ сообща съ нимъ въ пользу латинизаціи Велеграда и его еще жившихъ въ народѣ православныхъ кирилломеѳодіевскихъ воспоминаній. Правда, новѣйшіе латино-славянскіе писатели, желающіе сблизить православно-славянское дѣло св. Кирилла и Меѳодія съ Римомъ, усиливаются показать, что и пришлые цисперціанцы будто бы имѣли въ виду поддерживать на Велеградѣ кирилло-меѳодіевское дѣло и что они дѣйствительно поддерживали (?) его почти до самаго конца XVIII в., когда, при австрійскомъ императорѣ Іосифѣ II, монастырь былъ закрытъ и на его мѣстѣ оставлена была только фара (приходская церковь). Но серьезныхъ основаній для подобнаго рода сужденій, разумѣется, нѣтъ, а нѣкоторыя изъ приводимыхъ просто поражаютъ своею наивностью, или, пожалуй, безцеремонною смѣлостью и удивительно искусственными сближеніями. Такъ, напр., говорятъ: «Меѳодій и братъ его Кириллъ были горячими чтителями Богородицы Маріи, посвятивши Ей главный свой храмъ на Велеградѣ, а вотъ затѣмъ утверждаются на Велеградѣ превосходные чтители св. Маріи, цисперціанцы, сыны св. Бернарда, почитателя Маріи, и здѣсь же 28 ноября 1228 г. ими освященъ, по правиламъ ихъ ордена, храмъ и монастырь во имя Божіей Матери, и даже до сихъ поръ велеградскій храмъ посвященъ во имя Успенія (лат. на небовзятія) св. Маріи»*). Не смѣшно-ли выставлять намѣренное приспособленіе цисперціанцевъ къ мѣстному преданію о Богородичномъ храмѣ *стараго* Велеграда за основаніе расположенности ихъ къ кирилло-меѳодіевской проповѣди и дѣятельности среди моравскихъ славянъ? То обстоятельство, что «цисперціанцы, чтители св. Маріи», посвятили свой ново-устроенный велеградскій храмъ Пресвятой Богородицѣ, во имя Которой былъ посвященъ храмъ и *древняго* Велеграда—мѣсто служенія и погребенія св. Меѳодія,—это обстоятельство, говорю, свидѣтельствуетъ только о характерѣ латинизаторскихъ пріемовъ цисперціанцевъ, ихъ стремленіи къ подтасовкамъ и лукавымъ примѣненіямъ (смотря по обстоятельствамъ), ради идеи пропаганды латинства, но всего менѣе можетъ говорить о ихъ сочувствіи къ дѣлу св. Кирилла и Меѳодія.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи больше вниманія заслуживали-бы случаи почитанія нѣкоторыми велеградскими цисперціанцами памяти св. Кирилла и Меѳодія. Таковъ между ними былъ, между прочимъ, Христіанъ Гиршментцель (1638—1703), по происхожденію нѣмецъ изъ Силезіи: по словамъ латинскихъ писателей, онъ много говорилъ, писалъ и вообще содѣйствовалъ введенію и распространенію въ Моравіи чествованія памяти св. Кирилла и Меѳодія 9 марта*). Да, это замѣчательно, что цисперціанецъ—нѣмецъ такъ помнилъ о святыхъ славянскихъ первоучителяхъ и въ своихъ сочиненіяхъ, которыя въ рукописяхъ хранятся въ Брьненскомъ Земскомъ архивѣ, оставилъ весьма много указаній относительно чествованія св Кирилла и Меѳодія въ Моравіи Въ одномъ своемъ сочиненіи «Cineres Welehradenses» (стр. 58—59) онъ записалъ даже «Litaniae ad sanctos Patronos Eccl·siae Welehradensis, quorum primario post dei Latrism honori et Duliæ sacella et Altaria sunt erecta». Въ этихъ литаніяхъ послѣ имени Пресв. Богородицы, «св. Петра—князя Апостоловъ, св. Павла—учителя народовъ», вспоминаются имена св. Кирилла и Меѳодія рядомъ съ св. Бенедиктомъ, Бернардомъ, Николаемъ, Августиномъ, Вячеславомъ, Флоріаномъ, Климентомъ, Маріею Магдалиною, Ядвигою и «всѣми святыми ордена цисперціанцевъ».

Всѣ подобныя свидѣтельства велеградскаго цисперціанца-нѣмца, разумѣется, имѣютъ свое значеніе для исторіи отношеній къ памяти св. Кирилла и Меѳодія въ Чехіи и Моравіи, но едва-ли могутъ идти въ подтвержденіе той мысли, что велеградскіе цисперціанцы были истин-

*) См. Sbornik Velehradsky, 1881. II, стр. 41.

*) *Středowsky*, Sacra Moraviae Historia, p. 453.

ными хранителями кирилло-меѳодіевскихъ преданій, какъ стараются представить то латинскіе писатели. Сопоставляя эти свидѣтельства съ другими историческими данными, которыя отчасти представляетъ тотъ-же цисцерціанецъ Гиршментцель, невольно приходишь опять къ тому же заключенію о «подтасовкахъ», которыя цисцерціанцы вообще практиковали для искорененія на Велеградѣ православныхъ кирилло-меѳодіевскихъ преданій: для этого, по непонятнымъ причинамъ, 9-е марта установлено было днемъ чествованія св. Кирилла и Меѳодія, а на Велеградѣ до времени дѣятельности Гиршментцеля, какъ видно, это чествованіе и не было «распространено»; введено же оно здѣсь только какъ уступка народнымъ мѣстнымъ преданіямъ, сохранившимъ воспоминанія о святой дѣятельности солунскихъ братьевъ въ Велеградѣ и вообще въ Моравіи. Поэтому неудивительно, что въ литаніяхъ имя св. Кирилла и Меѳодія вспоминается рядомъ съ именами спеціально-латинскихъ святыхъ, какъ, напр., съ именемъ цисцерціанскаго патрона св. Бернарда: ясно, что сдѣлана уступка народнымъ преданіямъ, но прибавлены къ нимъ новыя латинскія черты, затемняющія и даже искажающія сущность кирилло-меѳодіевскихъ воспоминаній въ народѣ.

Но таковы, какъ мы указали выше, латинизаторскіе пріемы цисцерціанцевъ, которые въ своемъ стремленіи къ латинизаціи Велеграда шли еще далѣе: они успѣли даже возвеличить Яна Непомука святымъ, еще ранѣе его формальной канонизаціи въ 1729 г Вмѣсто любимаго народомъ борца противъ латинизаціи церкви въ Чехіи и Моравіи, Яна Гуса, цисцерціанцы вмѣстѣ съ іезуитами поспѣшили выдвинуть изъ мрака неизвѣстности Яна Непомука, окружили его ореоломъ мученичества за тайну латинской исповѣди (въ концѣ XIV в. брошенъ былъ въ Прагѣ въ рѣку Волтаву будто-бы за то, что не открылъ чешскому королю Вячеславу IV исповѣди королевы Софіи), прославляютъ его какъ твердаго исповѣдника латинства, какъ строгаго блюстителя того, противъ чего чешскій народъ всегда боролся, отстаивая свои старыя кирилло-меѳодіевскія преданія и защищая казненнаго своего духовнаго вождя и любимца, Яна Гуса. Поэтому въ самомъ новомъ Велеградѣ еще ранѣе, чѣмъ въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ Чехіи и Моравіи, появились статуи подставнаго чешско-латинскаго святаго Яна Непомука (вмѣсто Яна Гуса), и съ успѣхомъ распространяемо было въ народѣ его почитаніе Такъ, напр., въ самомъ Велеградѣ на статуяхъ и каплицахъ можно замѣтить слѣдующую надпись: «Veneration sancti Joannis De Nepomuco 1715». Чешско-латинскіе писатели придаютъ этому факту особенное значеніе; да и вообще фактъ чрезвычайной привязанности велеградскихъ цисцерціанцевъ къ Яну Непомуку, разставленныя въ разныхъ мѣстахъ бывшихъ монастырскихъ владѣній его статуи, посвященныя ему часовни и каплицы считаются «разительнымъ доказательствомъ живучести въ цисцерціанскомъ велеградскомъ монастырѣ кирилло-меѳодіевской идеи» *).

Какая опять злая иронія надъ кирилло-меѳодіевскою святынею, какая безцеремонная смѣлость связывать съ этою святынею искусственно выдвинутаго (подставнаго) латинскаго святаго Яна Непомука, имя котораго служило только орудіемъ для окончательнаго подавленія законныхъ протестовъ чехо мораванъ противъ латинизаціи, для заглушенія въ народѣ дорогихъ ему кирилло-меѳодіевскихъ преданій и слѣдовательно для помраченія, а не для возвеличенія славы св. Кирилла и Меѳодія! Странно, что новѣйшіе чешско-славянскіе писатели не обращаютъ на это болѣе серьезнаго вниманія, хотя ихъ предки—гуситы живо понимали всю фальшь латинизаціи ихъ древнихъ церковныхъ преданій и обычаевъ и, защищая «честь своихъ отцевъ и правду Божью», рѣшительно выражали свой протестъ противъ насилія латинизаторовъ. Поэтому-то въ гуситскую эпоху, наравнѣ съ другими убѣжищами латинизаторовъ, подвергался опустошеніямъ между прочимъ и велеградскій цисцерціанскій монастырь, а братія его поспѣшно спасалась отъ грознаго мщенія гуситовъ, такъ что монастырь во время этихъ погромовъ оставался пустымъ и заброшеннымъ. Только послѣ окончанія гусит-

*) Sborník Velehradsky, II, стр. 49.

скихъ войнъ, съ началомъ нѣмецко-латинской реакціи въ Чехіи при Габсбургахъ, латинство стало опять укрѣпляться въ странѣ и Велеградъ снова попалъ въ руки возвратившихся цисцерціанцевъ, которые теперь еще рѣшительнѣе чѣмъ прежде выступили противъ кирилло-меѳодіевскихъ преданій и ненавистныхъ имъ гуситскихъ идей. Къ этому-то именно времени и относится усиленная агитація велеградскихъ цисцерціанцевъ въ пользу почитанія Яна Непомука, изображеніями и статуями котораго усѣяна вся чешско-моравская земля и въ частности велеградская монастырская поземельная собственность. Эти-ли памятники Яна Непомука считать «разительнымъ доказательствомъ живучести кирилло-меѳодіевскихъ идей» на цисцерціанскомъ Велеградѣ?...

Такъ, постепенно шла латинизація Велеграда съ начала XIII в. до закрытія мѣстнаго цисцерціанскаго монастыря въ концѣ XVIII вѣка! Ни гуситскія войны, ни два раза постигавшіе монастырь пожары (1681 и 1719 гг.) не ослабляли энергіи латинизаторовъ-цисцерціанцевъ: послѣ гуситскихъ войнъ выдвинутъ на Велеградѣ новый латинскій святой, Янъ Непомукъ, какъ покровитель (?!) кирилло-меѳодіевскихъ святынь, а на мѣсто сгорѣвшихъ храмовъ воздвигнутъ въ 1735 г. новый, въ стилѣ романскомъ и стилѣ возрожденія, довольно вмѣстительный храмъ, съ небольшими измѣненіями во внутренней и внѣшней отдѣлкѣ существующій до сихъ поръ. Разумѣется, при каждой реставраціи дѣлались подновленія въ строго-латинскомъ духѣ и съ цѣлію отвести отъ древнихъ преданій умы и сердца народа внѣшнею помпою и украшеніями, спеціально латинскими: украшеніемъ между прочимъ служили статуи Яна Непомука, а объ изображеніяхъ св. Кирилла и Меѳодія нѣтъ и помину въ письменныхъ и вещественныхъ велеградскихъ памятникахъ. Какъ будто ничто не напоминало народу о древней, кирилло-меѳодіевской, величественной византійской простотѣ, а все вѣяло однимъ только подавляющимъ духомъ латинства. Правда, во время секуляризаціи монастырей въ Австріи, въ царствованіе Іосифа II, опустошеніямъ подвергся и велеградскій цисцерціанскій монастырь: какъ уже замѣчено выше, въ 1784 г., по распоряженію императора Іосифа II, этотъ монастырь былъ закрытъ и обращенъ въ простую фару съ однимъ только священникомъ (на первый разъ изъ разогнанныхъ цисцерціанцевъ). При этомъ многочисленныя монастырскія имѣнія были конфискованы и впослѣдствіи были проданы. Вмѣстѣ съ ними было продано и зданіе бывшаго цисцерціанскаго монастыря, которое теперь перешло въ руки барона de Castries, родственника пресловутаго француза Макъ-Магона; богатства и драгоцѣнности церковныхъ украшеній были тогда расхищены; остался непроданнымъ одинъ только храмъ, который все-таки предназначался опять для богослуженія. Чешско-латинскіе писатели слезно описываютъ этотъ погромъ и съ нескрываемыми скорбными сѣтованіями говорятъ о послѣдовавшихъ затѣмъ смутныхъ временахъ на Велеградѣ: богослуженіе было регламентировано до мелочей, торжественные крестные ходы, латинскія процессіи были ограничены до крайности, а при этомъ, говорятъ, не было возможности поддерживать прежнее чествованіе св. Кирилла и Меѳодія, слѣдовательно долженъ былъ угаснуть на Велеградѣ и кирилло-меѳодіевскій (?) духъ.

Повидимому, всѣ эти опустошенія и ограниченія должны были упростить латинскій богослужебный культъ на Велеградѣ и какъ будто обѣщали пріостановить латинизаторскіе успѣхи изгнанныхъ цисцерціанцевъ. И дѣйствительно, теперь стало меньше латинскихъ церемоній, искусственно введенныхъ и распространенныхъ въ народѣ, съ цѣлію отвлечь его воспоминанія отъ кирилло-меѳодіевской старины въ пользу позднѣйшаго спеціально-латинскаго культа. Но латинизація, между тѣмъ, и послѣ закрытія монастыря и образованія на его мѣстѣ фары, не прекращалась, а продолжалась послѣдовательно, благодаря усилившемуся теперь повсюду въ Австріи нѣмецкому вліянію. Съ этого именно времени, т. е. со времени Іосифа II, нѣмецкое вліяніе, усилившееся повсюду въ Австріи, сильнѣе сказывалось и въ Велеградѣ, такъ что, по замѣчанію чешскихъ писателей, даже въ дѣлопроизводствѣ прежній латинскій языкъ былъ замѣненъ нѣмецкимъ,—и эта практика продолжалась до самаго позднѣйшаго времени. Это гос-

подство нѣмечины, по словамъ даже самихъ чешскихъ историковъ, представляло неблагопріятныя условія для существованія и развитія кирилло-меѳодіевской идеи, возрожденіе которой началось только въ настоящемъ столѣтіи. Съ своей стороны мы замѣтимъ, что это возрожденіе искусственно начато на основахъ сближенія кирилло-меѳодіевскаго дѣла съ Римомъ только въ половинѣ настоящаго столѣтія, когда въ 1863 году, ко дню тысячелѣтія прибытія въ Моравскую землю св. Кирилла и Меѳодія, поднята была агитація для прославленія ихъ памяти. Къ этому времени были дѣлаемы демонстративно-искусственныя приготовленія: предпринято было обновленіе бывшаго цисперціанскаго храма, только теперь къ юбилею тысячелѣтія смерти св. Меѳодія оканчивающееся, изготовлены и поставлены по сторонамъ главнаго престола справа и слѣва статуи св. Кирилла и Меѳодія. Все это—твореніе рукъ недавняго времени, начатое съ благословенія Рима и прикрытое нечистою латинскою цѣлью обставить живучія въ народѣ кирилло-меѳодіевскія преданія признаками позднѣйшей спеціально-латинской формаціи, связывающей только для славянъ имена св. Кирилла и Меѳодія съ ихъ служеніемъ (?) дѣлу Рима. Съ такою латинскою обстановкою стоитъ теперь обновленный въ смѣшанномъ стилѣ—романскомъ и стилѣ возрожденія—велеградскій храмъ, правда, великолѣпно убранный и вмѣстительный, но не представляющій ровно никакихъ святынь, напоминающихъ православную кирилло-меѳодіевскую древность и слѣдовательно дорогихъ для всякаго православнаго—безъ различія національностей—и въ особенности для православнаго славянина. Говорятъ и показываютъ въ теперешнемъ велеградскомъ храмѣ, на алтарѣ (престолѣ) въ честь латинскаго святаго Бенедикта, малѣйшую частичку мощей св. Кирилла, пожертвованную папою Львомъ XIII и принесенную въ Велеградъ въ 1881 г. (30 сент.)—въ годъ паломничества славянъ-латинниковъ въ Римъ на поклоненіе папѣ. Но любопытна прежде всего исторія этой частички мощей будто-бы св. Кирилла: эта частичка—говорятъ—добыта Райградскими монахами (въ Моравіи) изъ Брьна (гдѣ она въ бо́льшемъ видѣ хранилась до 1811 г.) и подарена папѣ Льву XIII, который въ годъ паломничества славянъ въ Римъ (въ 1881 г.) раздѣлилъ подаренную ему часть мощей св. Кирилла и малѣйшую ея частицу послалъ въ Велеградъ, гдѣ она и выставляется какъ единственное, впрочемъ еще не засвидѣтельствованное болѣе или менѣе основательными историческими указаніями, напоминаніе о св. Кириллѣ.

Въ новомъ Велеградѣ, кромѣ храма, чешско-латинскіе писатели съ особеннымъ удовольствіемъ указываютъ еще на одну будто-бы древнюю велеградскую святыню, извѣстную подъ именемъ «Кирилки». Это теперь небольшая церквица (по греч. параклисъ), находящаяся въ сѣверо-западномъ направленіи отъ главнаго велеградскаго храма, близъ самой ограды бывшаго цисперціанскаго монастыря, а во время существованія самаго монастыря—въ его оградѣ. Происхожденіе ея сами даже чешско-латинскіе писатели не осмѣливаются относить къ очень древнему времени: готическій стиль «Кирилки», заставляетъ нѣкоторыхъ знатоковъ архитектуры относить ее къ XIV в.; но защитники ея мнимой древности, ради доказательствъ живучести на Велеградѣ «кирилло-меѳодіевской идеи» привыкшіе и сомнительные памятники возводить къ сѣдой древности, безъ всякихъ основаній, разумѣется, утверждаютъ древность «Кирилки» и говорятъ, что даже мѣсто, на которомъ стоитъ теперешняя «Кирилка», то самое, на которомъ стояла прежняя «Кирилка», получившая свое начало отъ времени св. Кирилла и Меѳодія *). Не будемъ спорить, что можетъ быть на этомъ мѣстѣ и существовала во время жизни и дѣятельности въ Моравіи св. нашихъ первоучителей церковь или часовня, которую народъ и до сихъ поръ помнитъ какъ остатокъ кирилло-меѳодіевской проповѣднической дѣятельности въ Моравіи подъ именемъ «Кирилки». Однако мы не безъ основанія полагаемъ, что съ народнымъ преданіемъ о старой «Кирилкѣ» пришлые цисперціанцы сдѣлали тоже, что съ народными преданіями вообще о Велеградѣ, т. е. постарались опять латинизовать ее на столько, что даже из-

*) Ср. Sbornik Velehradsky, 1883 г., III, стр. 3—9.

гнали, по крайней мѣрѣ изъ офиціальнаго употребленія, самое названіе «Кирилка» и замѣнили его своимъ новымъ: въ офиціальныхъ цисперціанскихъ метрикахъ «Кирилка» называется костёликомъ «Тѣла Господня» или «Вечери Господней» *), а не своимъ настоящимъ именемъ, жившимъ въ устахъ народа. Такимъ образомъ «Кирилка» — памятникъ проповѣднической дѣятельности св. солунскихъ братьевъ въ Моравіи, получила затѣмъ названіе имени того праздника, который былъ введенъ въ латинской церкви въ половинѣ XIII в. и окончательно установленъ въ 1311 г. папою Климентомъ V, и который вѣроятно наши св. первоучители, какъ и вся вообще православная церковь, отвергли бы (если бы явились съ неба на землю), какъ позднѣйшее неосновательное нововведеніе латинства, вслѣдствіе видѣнія одной какой-то монахини Юліаніи въ Люттихѣ. Неужели такое неестественное сближеніе спеціально латинскаго праздника «Тѣла Господня» съ кирилло-меѳодіевскими преданіями о «Кирилкѣ» считать «доказательствомъ живучести кирилло-меѳодіевскихъ идей» среди велеградскихъ цисперціанцевъ?—Ясно, что они всячески старались убить этотъ духъ и въ «Кирилкѣ», столь популярной, по крайней мѣрѣ по имени, въ народѣ. «Кирилка», такимъ образомъ, за время пребыванія цисперціанцевъ на Велеградѣ испытывала ту же судьбу, какъ и весь вообще Велеградъ, подвергаясь систематической латинизаціи.

Съ изгнаніемъ цисперціанцевъ изъ Велеграда въ 1784 г., ихъ традиціи все-таки продолжались: латинизація Велеграда какъ мы видѣли, и со времени водворенія тамъ «фары», не переставала, а «Кирилка», оставаясь кладбищенскою церквицею, постепенно теряла и то значеніе, которое успѣли придать ей цисперціанцы. Около половины настоящаго столѣтія (въ 30-хъ годахъ) дѣло дошло до того, что одинъ велеградскій священникъ, Янъ Рудольфъ, предлагалъ совсѣмъ уничтожить еще ранѣе заброшенную «Кирилку». Если тогда она не была уничтожена, то совершенно была заброшена: кладбище отъ нея было отнесено въ другое мѣсто, а сама она стала служить для хозяйственныхъ цѣлей владѣтелей и арендаторовъ велеградскихъ имѣній. По описаніямъ очевидцевъ, въ промежутокъ 1855—57 гг., въ «Кирилкѣ» сберегалось сѣно и солома, и это запустѣніе святаго мѣста навело одного путешественника въ 1859 г. на слѣдующія печальныя размышленія: «Не ужасайтесь, славяне, тому, что теперь услышите! Чрезъ конюшню, узенькою тропинкою, пробитою набожными моравами, затѣмъ мимо садовой зелени, добрались мы до невзрачной каплицы. Переступили чрезъ порогъ—о Боже! ноги не двигались, глаза прослезились, дрожащія уста невольно говорили: Моравія, неблагодарная Моравія! Куда дѣвалась слава твоя!? Обратимъ свой взоръ—о новая скорбь! Какое злоехидное посмѣяніе надъ этимъ запустѣніемъ, нѣтъ—какой грозный перстъ Провидѣнія неблагодарному народу! Перо выпадаетъ у меня изъ рукъ, ноги отступаютъ назадъ, не хочу оскорблять святое мѣсто гнѣвомъ надъ своею кровію» *).

Между тѣмъ какъ раздавались подобныя жалобы о запустѣніи «Кирилки», приближался 1863-й годъ, который западные славяне намѣревались праздновать какъ годъ прибытія къ нимъ на проповѣдь св. Кирилла и Меѳодія. Къ этому времени и усилена была работа о возобновленіи «Кирилки». Но замѣчательно, почти всю тяжесть этихъ заботъ и издержекъ взялъ на себя оломуцкій архіепископъ Фридрихъ Фирстенбергъ, нѣмецъ по происхожденію, который получилъ и патронатъ «Кирилки» отъ владѣтеля велеградскихъ помѣстьевъ барона de Castries. Поэтому нечего удивляться, что «Кирилка» архіепископомъ нѣмцемъ возстановлена опять въ томъ-же латинскомъ духѣ и съ такими-же тенденціями, какъ велеградскій храмъ и монастырь пришлыми цисперціанцами. Внѣшній видъ и форма «Кирилки» оставлены прежніе **), въ стилѣ готическомъ; внутренность ея также удержала свой прежній строго-латинскій характеръ. Прежде всего, освя-

*) Рукоп. Nova et vetera loci Velehrad monimenta, p. 60—61. Ср. Sbornik Velehradsky, 1883, III, стр. 4.

*) Hvězda Olomoucká 1859, стр. 151, Sbornik Velehradsky I, стр. 48.

**) Въ длину около 3-хъ саженей, въ ширину около 3-хъ и въ высоту также около 3-хъ.

щена она опять во имя спеціально латинскаго праздника «Трехъ королей» (въ день 6 января, когда православные празднуютъ Богоявленіе или Крещеніе Господне), украшена также латинскими изображеніями: на алтарѣ есть изображеніе «Трехъ королей» хотя тутъ-же рѣзныя изображенія св. Кирилла и Меѳодія по образцу латинскому; на стѣнахъ подъ изображеніями латинскія подписи *). Не отсутствуютъ въ «Кирилкѣ» указанія потомству и на новаго ея патрона, Оломуцкаго архіепископа Фридриха Фирстенберга, знаки котораго можно видѣть на алтарѣ (ex voto a. d. 1862), на стѣнахъ и столбахъ, поддерживающихъ небольшіе своды **); даже надъ входомъ вверху, вокругъ круглаго окна, стоитъ слѣдующая надпись: «Fridericus Archiepiscopus Olomucensis a. d. 1863» (т. е. что этотъ архіепископъ содѣйствовалъ обновленію «Кирилки» въ 1863 г.). Однимъ словомъ, все въ «Кирилкѣ» даетъ знать, что она обновлена латинскимъ архіепископомъ, кардиналомъ нѣмцемъ, и — для указанія ея прошлаго значенія за время цисерціанцевъ, а не для напоминанія о кирилло-меѳодіевской старинѣ въ Моравіи.

Впрочемъ, есть въ «Кирилкѣ» другаго рода особенности, которыя отчасти изобличаютъ ея общій латинскій характеръ. Я разумѣю живописное изображеніе Спасителя (на главной церковной предалтарной аркѣ), Который правою рукою благословляетъ по образцу благословенія, употребляющагося въ православной церкви, а въ лѣвой держитъ книгу, на которой написано по гречески: A ω, т. е. альфа и омега, начало и конецъ,— образъ, взятый изъ Апок. 1, 8. Другая особенность «Кирилки» еще болѣе напоминающая о кирилло-меѳодіевскихъ временахъ въ Моравіи,—это православная икона св. Кирилла и Меѳодія. Икона эта вмѣстѣ съ лампадою для нея (изъ золота и серебра) послана была въ Велеградъ отъ С. петерб. отдѣла Славянскаго Общества, ко дню тысячелѣтія смерти св. Кирилла въ 1869 году, и по дозволенію архіепископа оломуцкаго повѣшена была въ «Кирилкѣ» съ правой стороны на стѣнѣ между двумя окнами, нѣсколько ниже ихъ *). При этой иконѣ съ лампадою отъ имени Славянскаго Общества послано было небольшое, но содержательное посланіе въ Велеградъ слѣдующаго содержанія: «Возлюбленнымъ братьямъ чехамъ и моравамъ о Христѣ радоватися! Вы всегда, возлюбленные братья, высоко чтили нашихъ славянскихъ первоучителей, св. Кирилла и Меѳодія. Мы, русскіе, пользующіеся, по преимуществу, ихъ священнымъ наслѣдіемъ, дорожимъ этою памятью, какъ знаменіемъ всеславянскаго единства, которое нынѣ, въ смыслѣ духовнаго общенія, во очію всѣмъ является. Въ нынѣшнемъ году исполнится тысячелѣтіе со дня кончины преподобнаго Кирилла. Приносимъ вамъ для велеградской церкви икону его и брата его Меѳодія, у васъ подвизавшагося. Присоединяемую лампаду просимъ возжечь предъ ними. Да будетъ сей малый даръ свидѣтельствомъ нашей горячей къ вамъ пріязни и усерднаго призыванія лучшихъ и славнѣйшихъ временъ для всего славянскаго міра. Января 10 дня 1869 г. Градъ св. Петра».

Къ сожалѣнію, это теплое братское посланіе русскихъ принято было въ ультрамонтанской чешско-моравской средѣ, какъ знакъ примиренія православныхъ славянъ съ латинствомъ подъ главенствомъ папы, и въ свое время вызвало, какъ и до сихъ поръ еще вызываетъ, преждевременную радость о единеніи всѣхъ славянъ на Велеградѣ въ лонѣ латинской церкви. Такъ, напримѣръ, одинъ велеград-

*) Напр.: In nomine Jesu omne genu flectatur. Philip. c. 2; Laudemus viros gloriosos, Sap. 44. ver. 1; Initium sapientiae timor Domini. prov. 9; Laudate Dominum omnes gentes. Psal. 116.

**) „FF“, съ короной „красный орелъ на золотомъ полѣ“, „черная орлица съ бѣлою звѣздою на золотомъ полѣ“, и „бѣлые зубы на красномъ полѣ“ и т. д.

*) Небольшая, сдѣланная изъ дерева, икона представляетъ на золотомъ полѣ православныя изображенія св. Кирилла и Меѳодія, изъ которыхъ (съ правой стороны отъ зрителя—св. Кириллъ) первый держитъ въ рукахъ грамоту съ славянскою кирилловскою азбукою, а св. Меѳодій (съ лѣвой стороны отъ зрителя) правою рукою благословляетъ, а лѣвою держитъ открытую книгу съ начальными словами Евангелія отъ Іоанна. Между двумя св. братьями изображенъ нѣсколько поднятый осьмиконечный крестъ. Внизу подъ изображеніями стоитъ число 1869 года, вверху надъ ними 14 февраля, а также: «Просвѣтители Славянъ“.

скій священникъ писалъ тогда по этому поводу слѣдующее: «Великодушные жертвователи этимъ посвященнымъ велеградской церкви приношеніемъ (иконы св. Кирилла и Меѳодія съ лампадою) хотятъ показать свое религіозное почтеніе къ св. Кириллу и Меѳодію, которыхъ они справедливо считаютъ основателями своего христіанскаго образованія. Намъ, католикамъ, можно только радоваться, что въ отношеніи почитанія и празднованія святыхъ схизматики (?) согласны съ нами. Кажется, что давно ожидаемое его святѣйшествомъ (т. е. папою), равно какъ и всѣми истинными католиками, время дѣйствительной и искреннѣйшей уніи западной и восточной церкви приближается» *). Ту же мысль повторяли еще такъ недавно, при случаѣ перенесенія частицы мощей св. Кирилла на алтарь св. Бенедикта въ велеградскомъ храмѣ и возженіи предъ ними присланной въ 1869 г. русской лампады **): «Члены с.-петербургскаго отдѣла московскаго славянскаго благотворительнаго Общества, посылая образъ, достаточно ясно понимали, что для всѣхъ славянъ общею связью служатъ св. Кириллъ и Меѳодій и Велеградъ, гдѣ была епископская каѳедра какъ Кирилла, такъ и Меѳодія. Спѣшить усильнѣйшимъ образомъ къ единенію, къ единенію въ вѣрѣ, проповѣданной св. Кирилломъ и Меѳодіемъ — это желаніе его святѣйшества папы Льва XIII очевидно для всѣхъ славянъ, и поэтому было-ли неумѣстно предъ *останками св. Кирилла повѣсить русскую лампаду?* Было ли неумѣстно поступить такъ на Велеградѣ въ ту самую недѣлю, когда въ недѣльномъ Апостолѣ читались слова: *Одинъ Господь, одна вѣра, одно крещеніе* (Еф. 4, 5)? Положивши тогда съ должнымъ благоговѣніемъ и торжественностью свято-кирилловскія мощи на алтарь св. Бенедикта и повѣсивши предъ ними русскую лампаду, мы обратились къ проповѣдническій каѳедрѣ»***). Вѣроятно, съ этой каѳедры была затѣмъ произнесена проповѣдь, въ которой говорилось о единеніи русскихъ и другихъ «схизматиковъ» съ Римомъ на Велеградѣ, какъ это и до сихъ поръ еще дерзаютъ говорить на Велеградѣ нѣкоторые чешско-моравскіе ультрамонтане, восклицая: «Въ какомъ прекрасномъ и отличнѣйшемъ согласіи пребываютъ на Велеградѣ Римъ и Петроградъ»! Но пусть даютъ такое ложное и тенденціозное толкованіе нашему русскому приношенію! Мы знаемъ, что есть въ Чехіи и Моравіи, а можетъ быть и въ самомъ Велеградѣ, люди, вѣрящіе въ искренность русскаго приношенія и понимающіе его истинное значеніе, равно какъ и фактъ до сихъ поръ существовавшаго на Велеградѣ анти-кирилло-меѳодіевскаго направленія *). Можетъ быть православное изображеніе св. Кирилла и Меѳодія, присланное отъ единокровнаго русскаго народа, будетъ собою напоминать объ истинномъ характерѣ дѣятельности и проповѣди св. нашихъ первоучителей въ Велеградѣ въ Моравіи и вообще среди западныхъ славянъ; можетъ быть, это изображеніе оживитъ среди нихъ тотъ кирилло-меѳодіевскій духъ, который еще помнитъ народъ и въ западно-славянскомъ мірѣ, сохраняя хотя и смутныя преданія о Кириллѣ и Меѳодіи въ разнаго рода легендахъ, сказаніяхъ и пр., удерживая нѣкоторые православные обычаи (какъ напр. православный крестъ, привязанность къ обычаямъ и обрядамъ православной церкви, водоосвященію и пр.**), охраняя какъ священную кирилло-меѳодіевскую древность во мно-

*) Ср. Sbornik Velehradsky, III, стр. 37.

**) Посланная русскими вмѣстѣ съ иконою св. Кирилла и Меѳодія лампада, съ 1881 г. перенесена въ главный храмъ Велеградскій къ алтарю св. Бенедикта, гдѣ обыкновенно выставляются остатки мощей (будто-бы) св. Кирилла.

***) Ср. Hlas. 1881, № 84.

*) Мы имѣемъ основаніе вѣрить, что есть немало подобныхъ личностей среди западныхъ славянъ; только немногія изъ нихъ позволяютъ себѣ высказываться и еще меньше осмѣливаются рѣшительнѣе выступить въ защиту «чести отцевъ и правды Божьей» противъ злонамѣренной лжи враговъ славянства и православія. Тѣмъ больше, слѣдовательно, заслуживаютъ вниманія тѣ немногіе борцы противъ этой злонамѣренной лжи, которыхъ мы видимъ въ Австріи какъ среди славянъ-уніатовъ, такъ латинниковъ и протестантовъ, помнящихъ и защищающихъ кирилло-меѳодіевскую старину въ церкви и жизни.

**) Въ Чехіи и Моравіи сохранился обычай три раза въ году святить воду (наканунѣ Богоявленія, въ Великую субботу и предъ Троицынымъ днемъ)—обычай, давно уже исчезнувшій въ латинской церкви. Ср. мою статью въ «Сборникѣ статей по славяновѣдѣнію, изд. учениками В. И. Ламанскаго». Спб. 1883 г., стр. 41—56.

жествѣ уцѣлѣвшіе въ Чехіи и Моравіи и вообще въ другихъ славянскихъ латинизованныхъ земляхъ старые византійскіе кресты и пр.

Не хочу утомлять вашего вниманія, Мм. Гг., другими, болѣе частными, сообщеніями относительно прошлой судьбы и современнаго положенія *новаго* Велеграда. Достаточно, кажется, и приведенныхъ указаній, чтобы судить о томъ, какія воспоминанія соединяетъ съ собой современный Велеградъ. Основанный совсѣмъ на иномъ мѣстѣ (чѣмъ гдѣ находился *древній* Велеградъ) пришлыми цисцерціанцами, самыми страшными изъ всѣхъ тогдашнихъ монашескихъ латинскихъ орденовъ гонителями всего православнаго, *новый* Велеградъ постепенно подвергался латинизаціи, служилъ нѣкотораго рода центромъ, откуда эта латинизація распространялась и въ другія части Чехіи и Моравіи, подавляя въ народной памяти дорогія преданія о кирилло-меѳодіевскихъ временахъ чрезъ разнаго рода подтасовки, замѣны древнихъ преданій новшествами, какъ напр. торжественными процессіями въ честь цисцерціанскаго патрона св. Бенедикта, легендами о страданіяхъ подставнаго латинскаго св. Яна Непомука и т. п. Однимъ словомъ, на теперешнемъ Велеградѣ происходило систематическое гоненіе противъ кирилломеѳодіевскаго духа, хотя бы иногда и подъ благовидными предлогами его охраненія чрезъ неестественныя сближенія съ спеціально—латинскими нововведеніями; происходило, слѣдовательно, то, что послѣ смерти св. Меѳодія начато было латино-нѣмецкими врагами славянъ на *старомъ* Велеградѣ и что остановлено было тамъ мадьярскимъ погромомъ. А между тѣмъ на этотъ-то *новый* Велеградъ готовится теперь многолюдное паломничество славянъ-латинниковъ, чтобы (6 апрѣля) 25 марта отпраздновать тамъ тысячелѣтіе со дня блаженной кончины св. Меѳодія. Спрашивается: что они будутъ вспоминать на этомъ Велеградѣ, который былъ столько вѣковъ и до сихъ поръ остается безсердечнымъ свидѣтелемъ искорененія въ Чехіи и Моравіи истиннаго кирилломеѳодіевскаго духа? Естественнѣе всего было бы предварительно назначить имъ здѣсь день покаянія за содѣянные противъ памяти св. Кирилла и Меѳодія грѣхи предковъ и ихъ духовныхъ вождей—латинизаторовъ и затѣмъ дать торжественное обѣщаніе отселѣ неуклонно слѣдовать завѣту нашихъ первоучителей. Не мѣсто здѣсь разъяснять сущность этого завѣта, тѣмъ болѣе, что многіе даже изъ преступившихъ его нашихъ братьевъ-латинниковъ достаточно разумѣютъ его смыслъ, а только напомнимъ теперь объ немъ, насколько онъ выражается въ предсмертныхъ словахъ нашихъ св. первоучителей. 1016 лѣтъ тому назадъ, именно въ этотъ самый день 14 февраля, св. Кириллъ въ своей предсмертной молитвѣ взывалъ: *Господи Боже мой!., послушай моея молитвы и вѣрное Твое стадо сохрани, емуже мя бѣ приставилъ неключимаго и недостойнаго раба Твоего. Избавляя вся отъ всякія безбожныя и поганскыя злобы и отъ всякаго многорѣчиваго и хульнаго еретическаго языка, глаголюща на Тя хулу, погуби тріязычную ересь, и возрасти церковь свою множествомъ, и вся въ единодушіе совокупль, сотвори изрядны люди, единомысляща о истиннѣй вѣрѣ Твоей и правѣмъ исповѣданіи, вдожни же въ сердца ихъ слово Твоего ученія, Твой бо есть даръ. Аще ны еси пріялъ недостойныя на проповѣданіе имъ Евангелія Христа Твоего, острящася на добрыя дѣла и творяща угодная Тебѣ, еже мнѣ бѣ далъ, яко Твое, и Тебѣ предаю я, устрой я сильною Твоею десницею, покрый я кровомъ крилу Твоею, да вси хвалятъ и славятъ имя Твое, Отца и Сына и Святаго Духа во вѣки, Аминь* *).

Какъ видите, св. Кириллъ молился между прочимъ о погубленіи *тріязычной* ереси, той ереси, послѣдователи которой (папа и латинское духовенство) считали достойнымъ прославлять Бога только на 3-хъ языкахъ: латинскомъ, греческомъ и еврейскомъ, но отнюдь не на славянскомъ. Теперь спросимъ мы: осуждалась-ли эта тріязычная ересь на современномъ Велеградѣ и не поддерживается-ли она тамъ даже теперь въ богослужебной практикѣ (признающей право богослужебнаго языка обыкновенно за однимъ только латинскимъ), въ общемъ духѣ латинства, все централизующаго около римскаго папы и не дающаго никакихъ правъ народному началу въ церкви?

*) Паннонское житіе св. Кирилла, гл. 18.

Не менѣе поучительно и должно быть неизгладимо напечатлѣно въ сердцахъ послѣдователей Христовыхъ и св. нашихъ первоучителей предсмертное наставленіе своей православной паствѣ другаго первоучителя славянъ, св. Меѳодія:

«Возмлбленныя мои дѣти! Вы знаете силу еретиковъ въ злобѣ и какъ они, искажая слово Божіе, всячески стараются напоить ближнихъ ученіемъ нечистымъ, прчнимая и употребляя для этого два средства, убѣжденье и жестокость, одно для простыхъ, а другое для боязливыхъ; я же надѣюсь, что вы сохраните свои души неповинными ни въ томъ, ни въ другомъ, и молюсь, да не увлечетесь ни убѣдительностію словъ, ни пустою лестію не соблазнитесь, ибо вы утверждены на камнѣ Апостольскаго исповѣданія и ученія, на которомъ основана и церковь, которой не одолѣютъ и врата адовы... Увѣщевайте остальныхъ хранить завѣтъ, который мы приняли отъ святыхъ Апостоловъ и св. Отцевъ и который потребуютъ отъ насъ въ день воздаянія... Смотрите, осторожно ходите, не какъ неразумные, но какъ мудрые и со всею бдительностію старайтесь охранять сердца ваши и братьевъ вашихъ; ибо вы будете ходить среди сѣтей и будете всходить на вершины городовъ; ибо послѣ моей кончины придутъ къ вамъ лютые волки, не щадящіе стада, чтобы увлечь за собою народъ: имъ противустойте вы, твердые въ вѣрѣ, какъ завѣщаетъ вамъ чрезъ меня св. Ап. Павелъ. Всемогущій Богъ и Отецъ и отъ Него предвѣчно рожденный Сынъ и Св. Духъ, Который отъ Отца исходитъ, научитъ васъ всякой истинѣ и къ радости моей представитъ васъ непорочными въ день Христа» *).

Не ясно-ли обличается здѣсь и другая современная намъ первоучителямъ ересь *іопаторская*, по которой Духъ святый исходитъ *и отъ Сына* которая слѣдовательно допускаетъ Filioque. А между тѣмъ эта ересь и до сихъ поръ поддерживается на Велеградѣ и еще имѣетъ горячихъ защитниковъ, распространяющихъ ее среди своихъ единовѣрцевъ и даже въ средѣ православныхъ славянъ.

*) Болгар. легенда, или греч. Житіе св. Климента, гл. 6.

Исполняя завѣщаніе нашего первоучителя св. Меѳодія, который повелѣлъ намъ «увѣщевать остальныхъ хранить завѣтъ, который мы приняли отъ св. Апостоловъ и св. Отцевъ»,—мы обращаемся теперь къ своимъ братьямъ-латинникамъ и протестантамъ съ искреннимъ словомъ увѣщанія: пусть они теперь, хоть наканунѣ своего велеградскаго торжества, вспомнятъ предсмертный завѣтъ нашихъ первоучителей: можетъ быть, тогда они сознали бы и другія свои заблужденія, которыхъ не знали св. наши первоучители; а тогда при этомъ было бы легко всѣмъ славянамъ сойтись на Велеградѣ, и вмѣстѣ отпраздновать тысячелѣтнюю память св. Меѳодія по старому календарю и по старымъ богослужебнымъ книгамъ, которыя были переведены св. нашими первоучителями съ греческаго языка на славянскій и до сихъ поръ употребляются въ православно-славянскихъ церквахъ. Къ сожалѣнію, наши братья-латинники не обнаруживаютъ именно такого настроенія къ предстоящему велеградскому торжеству; оттого ихъ празднество и принимаетъ характеръ по преимуществу демонстративный, главнымъ образомъ противъ славянъ православныхъ, не заключая въ себѣ никакой другой, болѣе или менѣе достойной памяти великаго славянскаго учителя, идеи. Мы же, славяне православные, не смотря на приготовляемыя со стороны латинниковъ противъ насъ демонстраціи, будемъ, какъ и всегда, честно готовиться достойнымъ образомъ отпраздновать приближающійся день 6-го апрѣля, а отъ злохидныхъ козней нашихъ враговъ да избавитъ насъ Господь, къ Которому 1016 лѣтъ тому назадъ, въ этотъ именно день 14 февр., предъ смертію, въ молитвѣ о своей славянской паствѣ, взывалъ полный твердой и несокрушимой вѣры св. Кириллъ: *Благословенъ Богъ нашъ, иже не дастъ насъ въ ловитву зубомъ невидимыхъ враговъ нашихъ, но сѣть ихъ сокрушися и избавлены отъ истлѣнія ихъ!* *)

И. Пальмовъ.

*) Паннонское житіе св. Кирилла, гл. 18.

Изъ «Извѣстій С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества» № 2 февраль 1885 года).

Дозволено цензурою. Спб. 15-го Марта 1885 года.

Типографія Е. Евдокимова, Большая Итальянская, д. № 11.